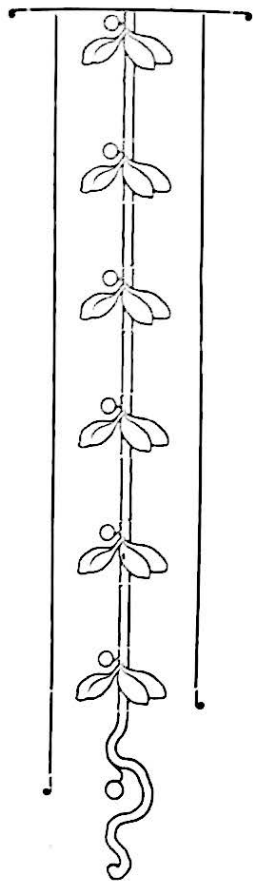

ЧЕХОВСКІЙ ≡

ЮБИЛЕЙНЫЙ СБОРНИКЪ.

1860 $\frac{17}{\text{ЯНВАРЯ.}}$ 1910.

Докторъ А. П. Чеховъ.

Не сомнѣваюсь, запитія медицинскими науками имѣли серьезное вліяніе на мою литературную дѣятельность; они значительно раздвинули область моихъ наблюденій, обогатили меня знаніями, истинную цѣну которыхъ для меня, какъ для писателя, можетъ понять только тотъ, кто самъ врачъ; они имѣли также и направляющее вліяніе, и, вѣроятно, благодаря близости къ медицинѣ, мнѣ удалось избѣжать многихъ ошибокъ.

Чеховъ. Автобіографія.

„Ноября 15 дня 1884 года“.

Это — изъ „Дѣла № 548 канцеляріи проректора о принятіи въ студенты Антона Чехова“...

Дата, которой отмѣчены двѣ пожелтѣвшія копии — съ аттестата и свидѣтельства объ утвержденіи въ степени лѣкаря и званіи уѣзднаго врача.

„При *очень хорошемъ* поведеніи... и за оказанные *удовлетворительные* успѣхи“...

Ректоръ Богодѣловъ.

Декань Склифасовскій.

Секретарь Облеуховъ.

На дверяхъ у Антона Павловича появляется табличка:

Докторъ А. П. Чеховъ.

Молодой медикъ извѣщаетъ редактора-издателя „Осколковъ“, гдѣ онъ сотрудничалъ, Лейкина:

„Живу съ апломбомъ, такъ какъ ошущаю въ своемъ карманѣ лѣкарскій паспортъ“...

„Не такъ давно лѣчилъ одной барышнѣ зубъ, не вылѣчилъ и получилъ 5 р.; лѣчилъ монаха отъ дизентеріи, вылѣчилъ и получилъ 1 руб.; лѣчилъ одну... актрису отъ катара желудка и получилъ 3 руб. Таковой успѣхъ на новомъ моемъ поприщѣ привелъ меня въ такой восторгъ, что всѣ оныя рубли я собралъ воедино и отослалъ ихъ въ трактиръ Банникова, откуда получаю для своего стола водку, пиво и прочіе медикаменты“.

Бывали и lapsus'ы: приглашенный къ знакомому (воспитатель кадетскаго корпуса), Чеховъ ошибается и ставитъ запятую въ граммѣхъ не тамъ, гдѣ нужно. Убѣждается въ этомъ уже по возвращеніи домой. Необычайно волнуется. И, нанявъ на послѣднія деньги лихача, мчится ночью въ Лефортово. Оказывается, что злосчастный рецептъ еще не посланъ въ аптеку...

„Практика наклеивается помаленьку“.

Въ то же время Антонъ Павловичъ все чаще подчеркиваетъ трудность совмѣщенія врачебной дѣятельности съ литературной:

„Поговорка о двухъ зайцахъ никому другому не мѣшала такъ спать, какъ мнѣ... я — врачъ и по уши втянулся въ свою медицину“. (Тригоровичу).

Однажды Антона Павловича пригласили въ проживавшее на Зубовскомъ бульварѣ семейство художника Янова, который былъ его пріятелемъ: Тамъ заболѣли тифомъ мать, а затѣмъ и три взрослыхъ дочери. Мать скончалась. Умерла и одна изъ дочерей. Передъ смертью она схватила Чехова за руку и такъ, не выпуская ея, отошла. Подъ сильнѣйшимъ впечатлѣніемъ этого случая Антонъ Павловичъ снялъ вѣѣску, и съ тѣхъ поръ ея у него не было никогда. (М. Чеховъ. „Объ А. П. Чеховѣ“).

Но объ оставленіи имъ практики не можетъ быть и рѣчи.

Онъ работалъ въ воскресенской земской больницѣ, которой завѣдывалъ врачъ Архангельскій.

Тамъ Чеховъ познакомился съ завѣдывавшимъ звенигородской земской больницей врачомъ Успенскимъ, котораго двѣ недѣли по его просьбѣ замѣнялъ:

„Полдня занятъ пріемкой больныхъ (30—40 человекъ въ день), остальное же время отдыхаю или же страшно скучаю, сидя у окна и глядя на темное небо, льющее уже третій день нехорошій безостановочный дождь“...

„Бздилъ на заливчатской тройкѣ купно съ дрыхлымъ, еле дышащимъ и за ветхостью никуда негоднымъ судебнымъ слѣдователемъ, маленькимъ, сѣденькимъ и добрыйшимъ существомъ, мечтающимъ уже 25 лѣтъ о мѣстѣ члена суда. Вскрывалъ я вмѣстѣ съ уѣзднымъ врачомъ на полѣ, подъ зеленою молодого дуба, на проселочной дорогѣ“.

Въ пору холеры (1892—1893 гг.) Антонъ Павловичъ заѣздивалъ въ Мелиховѣ мѣстнымъ участкомъ по борьбѣ съ эпидеміей:

„Заграбаздали и меня, раба Божія, и назначили санитарнымъ врачомъ. Разъѣзжаю теперь по деревнямъ и читаю лекціи. Послѣзавтра на санитарномъ совѣтѣ будемъ рѣшать вопросъ: гдѣ можно достать врачей и студентовъ? И, вѣроятно, никакъ не рѣшимъ этого вопроса... Ёду сейчасъ въ монастырь просить, чтобы построили баракъ“.

(Егорову).
Въ его районѣ было 27 деревень. Холера миновала ихъ. По этому поводу Чеховъ замѣтилъ:

„Это напоминаетъ нѣсколько стихъ: по Гороховой я шелъ и гороху не нашелъ“.

(Карнѣеву).
Вообще, гдѣ бы Антонъ Павловичъ ни отдыхалъ, онъ вездѣ пользовалъ крестьянъ:

„Везу съ собой медикаменты и мечтаю о гнойникахъ, отекахъ, фонаряхъ, поносахъ, соринкахъ въ глазу и о прочей благодати. Лѣтомъ обыкновенно я полдня принимаю разслабленныхъ, а моя сестрица ассистентируетъ мнѣ—это работа веселая“.

(Короленко).
Ея было достаточно:

„У меня много больныхъ. Рахитическія дѣти и старухи съ сыпями... Есть 75-лѣтняя старуха съ рожей руки; боюсь, что придется имѣть дѣло съ рожистымъ воспаленіемъ клѣтчатки. Будутъ абсцессы, а рѣзать старуху страшно“.

(Лейкину).
Въ Ялтѣ же Чеховъ подавалъ совѣты, главнымъ образомъ, бѣдному учащему и учащемуся люду и мечталъ объ устройствѣ санаторіи для больныхъ сельскихъ учителей.

Онъ твердо вѣрилъ въ медицину и съ несвойственнымъ ему жаромъ возставалъ, когда кто-либо поносилъ ее или ея работниковъ, особенно земскихъ врачей.

Да и могъ ли быть иного мнѣнія о нихъ писатель, устами Екатерины Ивановны стыдившійся обрюзгшаго доктора Старцева:

— Какое это счастье быть земскимъ врачомъ, помогать страдалцамъ, служить народу. Какое счастье! („Юнычъ“).

Но при всемъ томъ, апостолъ художественной правды, онъ былъ чуждъ умышленной идеализаціи этихъ тружениковъ и, индивидуализируя каждый отдѣльный случай, не скрывалъ какъ ихъ природныхъ недостатковъ, такъ и тѣхъ, которые отлагались въ нихъ подъ давленіемъ тяжкихъ условій нашей общественности.

Не довольствуясь „тѣкаремъ и уѣзднымъ врачомъ“, Антонъ Павловичъ намѣревался пойти далѣе: „По утрамъ и вечерамъ готовлюсь къ докторскому экзамену“ (Лейкину).

Это намѣреніе не осуществилось, но мысль Чехова о „докторѣ медицины“ не пропала, и впоследствии, удовлетворенный своимъ „Островомъ Сахалиномъ“, онъ какъ-то обратился къ брату:

— А что, Миша, если за эту штуку да мнѣ дадутъ степень доктора медицины *honoris causa*?

Что это было сказано вполне серьезно, видно изъ его бесѣды съ Россоломо, въ которой Антонъ Павловичъ—въ случаѣ полученія искомаго—выражалъ желаніе „взять приватъ-доцентуру по кафедрѣ частной патологіи и терапіи“ и развернуть этотъ курсъ по своеобразнѣйшей программѣ, гдѣ „весь центръ тяжести лежалъ бы въ тщательномъ изученіи и освѣщеніи субъективной стороны болѣзненныхъ явленій при различныхъ страданіяхъ“.

Не сбылось...

Чутко слѣдя за новѣйшими теченіями въ медицинѣ, Антонъ Павловичъ выписывалъ журналъ „Врачъ“, живо интересовался изслѣдованіями Мечникова въ области прививокъ и содѣйствовалъ основанію въ Москвѣ журнала „Хирургія“.

Какъ это ни странно, многіе среди врачей даже не знали, что Антонъ Павловичъ—ихъ collega, и узнали объ этомъ только на VIII Пироговскомъ съѣздѣ въ 1902 году. Художественный театръ—спеціально для съѣхавшихся—поставилъ „Дядю Ваню“, и со спектакля Антону Павловичу была отправлена въ Ялту покрытая массой подписей привѣтственная телеграмма.

„Большое сердечное вамъ спасибо за письмо и хлопоты на съѣздѣ. Во время съѣзда я чувствовалъ себя принцемъ, телеграммы поднимали меня на высоту, о которой я никогда не мечталъ“. (Членову).

Недавно выпускъ врачей 1884 года тѣснымъ кружкомъ чествовалъ въ Москвѣ свой 25-лѣтній юбилей.

Помянули покойныхъ.

И, какъ только коснулись Чехова, предъ старыми товарищами живо всталъ ласкающій образъ.

Пуще всколыхнулись сердца.

Послышались особо душевныя слова.

А одинъ изъ участниковъ вечера съ гордостью сказать, что имъ выпала на долю скорбная, но высокая честь донести на своихъ рукахъ останки великаго однокашника отъ воротъ Новодѣвичьяго монастыря до мѣста нерушимаго покоя...

Ф. Мускатблитъ.

